

**ПЛУЧЕК НЕ ХОЧЕТ СЛЫШАТЬ
О ЮБИЛЕЕ, ПОКА НЕ ВЫПУСТИТ
ПРЕМЬЕРУ**

Культура. — 1994. — 10 сент. — с. 1.

Мое преклонение перед соседом

Мы живем с Валентином Николаевичем Плучеком в одном доме. Так что сегодня я могу говорить о нем просто, по-соседски. Хотя, кажется, получается неплохая аллегория. Ибо наше с ним соседство выходит за пределы дома на Большой Бронной. Мы — соседи по Театру, по долговому пути, пройденному в профессии.

Эта моя юбилейная речь немного смущает меня самого. Я как-то даже робею, произнося слова во здравие Плучека, ибо слишком ясно сознаю, какая это мощная и сильная фигура нашей отечественной сцены. Сорок пять лет работать при заидеологизованном обществе в театре под названием «Сатира» — это, знаете ли, подвиг. Прежние руководители этого театра молили, помнится, всех святых, чтобы театру поменяли название или хотя бы расширили до Театра комедии. Тут, в случае чего, можно было отделаться легкой шуткой. А жанр сатиры, как известно, предполагает острое, бичующее слово. Ну и кого долгие годы можно было бичевать в нашем государстве?

Одним словом, «голова» такого театра, то есть его руководитель, ежесекундно была подставлена под гильотину. Непостижимо, но Плучек не только никогда не пасовал, но всегда нес свою голову гордо, легко и весело. И ставил всю драматургию Маяковского — и «Баню», и «Клопа», и «Мистерию-буфф». Ухитрился поставить в 70-е годы «Самоубийцу» Н. Эрдмана — деяние, которое, впрочем, в те годы сразу было пресечено. Как и «Теркин на том свете» А. Твардовского, оставшийся в истории советского театра как акт позорительного мужества.

Нет. Цельность и гармоничность натуры Валентина Николаевича не могли не предопределить его удачливой судьбы. Один из учеников Вс. Мейерхольда, он никогда, даже в самые страшные годы лихолетья, не забывал своего учителя, не переставал гордиться тем, что он — его питомец. Судьба первый раз свела меня с Плучеком в Арбузов-

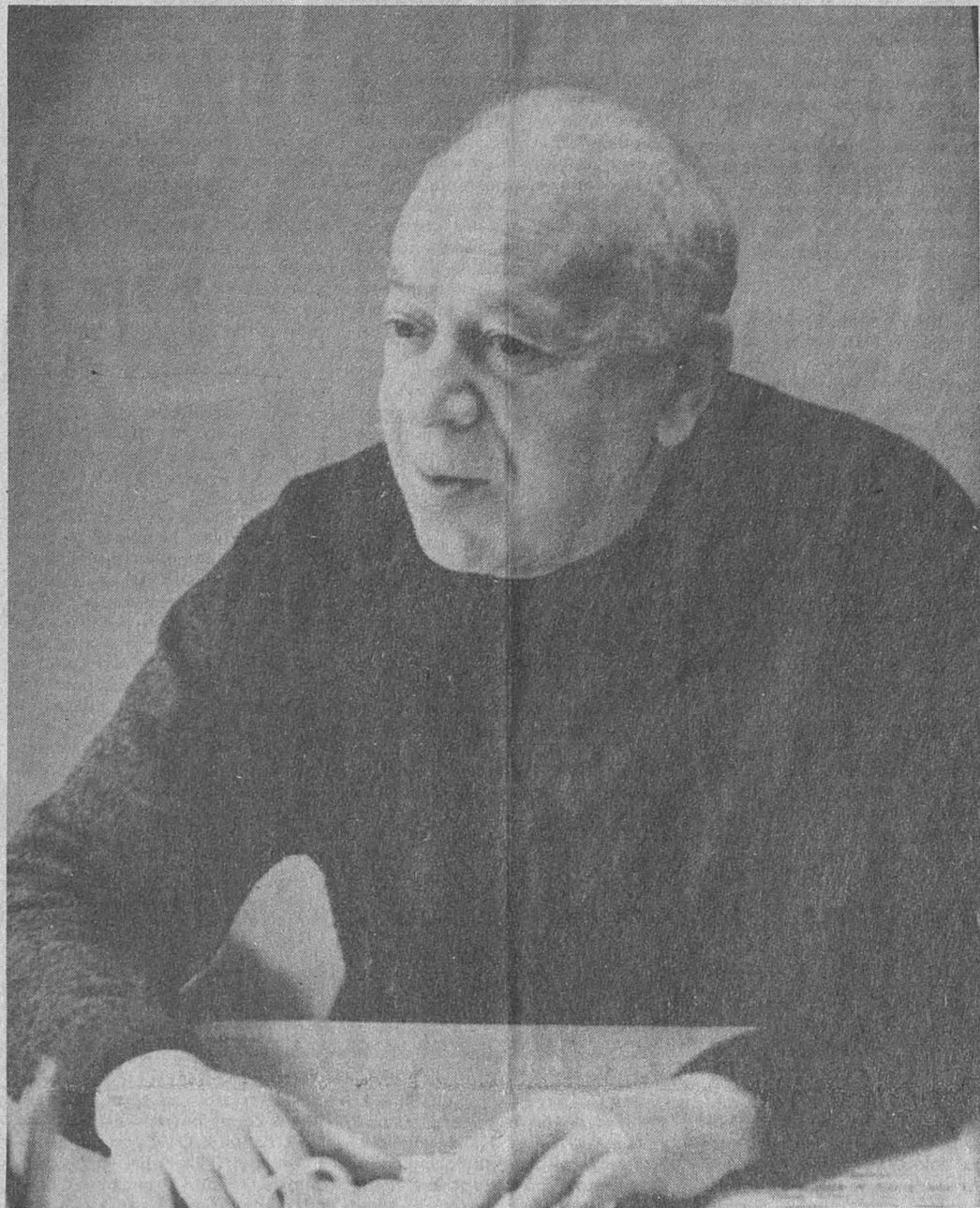
ской студии — очаге поиска, новаторства и творческой свободы в довоенной, канонизированной жизни советского театра. Не забыть, как в спектакле «Город на заре» актеры избретательно обыгрывали обычные предметы. Это был Плучек, за которым проглядывал Мейерхольд.

Я незапамятен, но как забыть, что, пробуя себя на актерской стезе, я забрел в эту студию, а Плучек не оценил моих актерских дарований и не принял. Зато прошли годы, и Евгений Леонов, с которым мы тогда были близки, попросил у меня совета — не пойти ли ему в Театр сатиры. И я его отговорил. Боже упаси, не из чувства мести. Я просто понимал, что его уникальная индивидуальность не впишется в яркую, но совсем иной природы компанию комиков этого театра. Но Папанова, горжусь, привел в Театр сатиры именно я.

Однако еще до этого, в годы войны, наши пути пересеклись в Заполярье. Я приехал с гастрольями фронтового театра. А там, в Театре Северного Флота, уже гремел Валентин Николаевич. Его спектакли шли на «ура». И как забыть блистательную Зиночку Плучек, верную спутницу жизни режиссера, которая пленяла в роли Надежды Дуровой. Изящная, темпераментная, в восхитительном трико... Эх, молодость, молодость!

Вообще, стыдно признаться, но в компании с Плучеком я всегда тушуюсь. Хотя наши физические кондиции (рост, вес и т. д.) несоизмеримы, я неизменно опускаю голову перед блеском его личности. Плучек фантастически образованный человек. Литература, музыка, а особенно живопись — диву даешься глубине и широте его познаний. А чувство юмора? А дар рассказчика? О его показах на репетициях ходят легенды. И какое чувство собственного достоинства, какой такт, какой сильный характер!

Не так давно на очередном обсуждении итогов театрального сезона критики, будто сговорившись, решили произвести

«чистку» Мастера. Ниспровергательные слова лились рекой, а Плучек сидел тут же, в зале, и все это было невыносимо, и я уже начал хвататься за сердце. В это время Мастер попросил слова. Нет, он не отвечал на нападки, не мстил, не отбивался. Он просто говорил о Театре. Это была блистательная речь. Я чувствовал, как все упражнявшиеся до сих пор в словоизлияниях прямо на глазах превращались в пигмеев.

Однажды мы узнали, что Плучек — двоюродный брат знаменитого Питера Брука. Сели друг напротив друга два режиссера, и обнаружилось поразительное внешнее сходство. Словом, «узнаю брата Петю!». Только взаправду, всерьез. Думаете, Валентин Николае-

вич возгордился? Какие пустяки! Просто это обстоятельство прибавило ему радости творчества и уверенности в своих силах. Что и говорить — порода!

Не перестаю удивляться, с каким мужеством несет он крест жанра сатиры. И как легко ломает его рамки. Грибоедов, Гоголь, Брехт, Чехов. Теперь вот Шекспир, «Укрощение строптивой». Плучек — все тот же азартный и самолюбивый юноша. Не хочет и слышать о юбилее, пока не выпустит премьеру. В ней будет, говорят, играть одна молодежь. Новые питомцы. А сколько он их воспитал — славу, гордость и любовь российского театра и кино.

В Москве живет и работает

Валентин Плучек. Мастер. Уникальная личность. Выдающийся ум и талант. Как мы умеем не замечать того, кто рядом с нами!

...Плучек по-стариковски прогуливается вокруг дома. Мы встречаемся. Ну и о чем могут говорить два немолодых, помешанных на театре человека? Конечно же, о нем, прекрасном и треклятом. Ненавижу так любить сердцу критиков «пыль кулис». Если не иметь к ней иммунитета, можно так нагло таяться, что задохнешься. Но Плучек снова шутит, вставляет «шпильки». И я снова тушуюсь, робею, склоняю голову... Впрочем, еще посмотрим, кто кого!

Андрей ГОНЧАРОВ.